

Разговор с Вождем
Дорога к Вождю
Встреча с Вождем

Роман Злотников

Алексей Махров

**ВСТРЕЧА
С ВОЖДЕМ**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбьшиева*

Иллюстрация на переплете художника *И. Хивренко*

Злотников, Роман Валерьевич.
3-68 Встреча с Вождем / Роман Злотников, Алексей Махров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Новый Злотников).

ISBN 978-5-699-95083-6

Казалось бы, до главной цели осталось совсем немного. Еще один бой, еще один рывок – и перед героическим попаданцем на Великую Отечественную войну распахнутся двери кремлевского кабинета... Но судьба снова играет с Виталием Дубининым злую шутку – на этот раз препятствием становится не очередная смерть, а нечто более страшное – немецкий плен.

И там ему не помогут приемы рукопашного боя и умение стрелять на звук. Придется полагаться только на собственный изворотливый ум. Сумеет ли самозванный батальонный комиссар переиграть рафинированных разведчиков Абвера и вырваться из фашистских застенков?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Злотников Р. В., Махров А. М., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-699-95083-6 **ООО «Издательство «Э», 2017**

ПРОЛОГ

*11 июля 1941 года, где-то между
Бобруйском и Москвой*

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Стучат, словно боясь опоздать, на стыках железнодорожных рельсов колеса эшелона, с каждой секундой приближая его к цели путешествия. Полковник танковых войск Советской Армии Владимир Петрович Бат любил этот повторяющийся каждые несколько секунд ритмичный стук, под который так приятно засыпать. Засыпать сначала мальчишкой, когда он с родителями каждое лето отправлялся на месяц к дальней родне в Крым, затем — молоденьким младшим лейтенантом, выпускником танкового училища, следующим к месту будущей службы. Менялись пункты постоянной дислокации и количество звезд на погонах, менялись техника и личный состав, менялись министры обороны и генеральные секретари — и только этот звук не менялся никогда. Он всегда был — ну или, по крайней мере, казался — чем-то незыблемым, неизменным. Чем-то, без чего просто немыслима, невозможна любая железная дорога, где бы она ни находилась и куда бы ни вела.

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Десятилетний Володька, высунув от усердия кончик языка, рисует на альбомном листке танк. Отец, спрятав

под узкий купейный столик опустевшую бутылку из-под «Жигулевского», весело тормозит сына:

— Что, Вовка, не передумал танкистом становиться?

— Не передумал... — бурчит тот, недовольный тем, что его отрывают от столь важного занятия. Итак вагон на стыках потряхивает, мешая правильно нарисовать дульный тормоз самого современного советского танка, а тут еще и папа мешает. А ему, между прочим, самое сложное осталось, зенитный пулемет на башне рисовать! Бат-старший смеется и, взъерошив сыну волосы (Володька недовольно трясет вихрастой головой — что еще за телячьи нежности, он уже совсем большой!), шуршит купленной на станции свежей газетой...

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

— Ну, что, Батоныч, по крайней? — Поддрагивает вагон, поддрагивает легкой рябью водка в протянутом товарищем, таким же вчерашним выпускником военного училища, граненом стакане. Впереди еще больше суток дороги, так что пока можно расслабиться. Главное, чтобы периодически проходящий по вагонам милицейский патруль не придрался. Но ребята вроде нормальные, когда прошлый раз мимо шли, старательно делали вид, что ничего не замечают. Понимают, что к чему: товарищи молодые офицеры, так сказать, надежда и опора наших славных танковых войск, к месту службы едут. Может, их уже завтра в какую-нибудь Африку отправят, с империалистическими наймитами воевать, времена-то сейчас неспокойные.

— Не... мне хватит... — мотает тяжелой головой лейтенант Бат, спиной к проходу заваливаясь на полку плацкартного вагона. — Пей сам... чтобы гусанка не слетала и дизель не сбо...

Сон, словно морской прибой из далекого детства, накатывается неукротимой волной, в которой тонет окончание бессвязной фразы...

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Двери в купе распахнуты, верхние полки пристегнуты к перегородкам, увеличивая свободное место. Накрытый скатертью стол уставлен немудреной закуской и бутылками «Советского шампанского». Новый год же, как иначе?! А что встречать праздник пришлось в дороге, так этим никого из присутствующих не удивишь — ко всякому привыкли за годы службы. И похуже условия бывали, да...

— Товарищи офицеры, с Новым годом! Мужики, пусть в новом, две тысячи десятом году наша страна...

Полковник Владимир Петрович Бат пьет молча и залпом, не дожидаясь окончания тоста. Он уже откуда-то знает, ощущает всем своим естеством, что этот тост — последний, который он поднимает вместе с боевыми товарищами. Не крайний, как принято говорить в их среде, а именно последний...¹

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух».

Снова, как в лейтенантской юности, в стакане плещется в такт рывкам вагона водка. Водка, которую произвели и разлили в бутылку на советском ликеро-водочном заводе задолго до его, блин, рождения! Путешествия во времени, м-мать их!..

Укоризненно поглядев на дрыхнущего на соседней полке Очкарика, Батоныч, крякнув, залпом осушил полстакана. Нет, младшего товарища понять можно —

¹ Вследствие произошедших благодаря вмешательству Виталия Дубинина изменений истории в мире полковника Бата Советский Союз просуществовал почти на два десятилетия больше и распался не в 1991-м, а в 2010 году.

впервые в прошлое попал, да еще и повоевать сегодня пришлось неслабо. Умаялся, бедняга. Сначала в танке, когда унитары ворочал и в казенник пихал, затем, когда с немецкими диверсантами схлестнулись. Те ему руку, вон, едва не сломали, суки. Он с ними, правда, тоже особо не миндальничал, минимум двоих на тот свет спровадил. Оттого и вырубился с одного стакана, салага. Правда, извинился перед этим, вращая осоловевшими глазами и с трудом ворочая непослушным языком: «мол, прости, шеф, я все...» И задрых, повернувшись могучей спиной.

Хмыкнув, Бат привычно прокрутил в голове события крайних суток. В принципе все вышло более-менее. Похоже, что на этот раз он до Вождя таки доберется. Если, конечно, «лаптежники» не налетят. Но это вряд ли, поскольку наспех сформированный эшелон приказано перегонять исключительно ночью. Да и «зеленый коридор» им аж до самой Москвы выделили, слышал краем уха, о чем железнодорожники между собой говорили. Мол, до рассвета будут идти на максимальной скорости, а утром уже окажутся в глубоком тылу. Да и прикрытие имеется: на пару пассажирских вагонов и платформу с танком — аж целых три полувагона с зенитчиками. Скорострельные пушки и крупнокалиберные пулеметы. А утром, если он правильно понял, их сверху еще и истребители полка особого назначения прикроют. Того самого, что Центральный аэродром на Ходынском поле защищают. А у них на вооружении не «Ишачки» какие-нибудь, а новейшие — ну, по здешним меркам, разумеется, — «МиГ-3». Очень уж сильно товарищ Сталин хочет, чтобы хоть на этот раз они до него целыми и невредимыми доехали...

Ага, вот именно, что «они»! Владимир Петрович

скривился, словно от зубной боли, зыркнул на полупустую бутылку, но пить больше не стал. «Они» — это в смысле они с Очкариком, оба-два. Поскольку Виталья так и пропал, зараза! Уму непостижимо, как он так лопухнуться ухитрился, но захватили его фрицы...

О том, что было, когда это выяснилось, и вспоминать не хочется...

Сергея Наметов — это тот самый лейтенант-осназовец из группы особого назначения «Поиск-10», что их нашел, — чуть с ума не сошел, когда понял, что произошло. А уж матерился как — заслушаешься! Словно и не спецназовец вовсе, а самый настоящий танкист. Поскольку Батоныч искренне считал, что в давнем споре «кто лучше матом кроет» между моряками и «мазутой» победить должны однозначно танкисты. Какие там у мариманов, в сущности, проблемы? Ни в какое сравнение с танкистскими не идут. Попробовали б они вручную да под пулями сбитую гусеницу натянуть, водоплавающие... не зря ж тот анекдот про фею и танк придумали, ага! «Мальчики, а хотите по-настоящему?»¹ Вот только не смеется что-то никто...

Осназовцы все-таки попытались догнать немецких диверсантов и отбить Дубинина. Но то ли просто не успели, то ли свернули куда-то не туда, однако вернулись они спустя час ни с чем. Впрочем, об этом Бат узнал уже позже, на станции, куда отбуксировали танк, благо мощности мотора «Сталинца» хвати-

¹ Натягивают танкисты гусеницу, матерятся. Тут над ними пролетает фея. «Мальчики, а что это вы делаете?» — спрашивает фея. «Не видишь, что ли, — трахаемся!» — угрюмо отвечают танкисты. «А хотите потрахаться по-настоящему?» — улыбается фея. «Конечно, хотим!» — радостно галдят танкисты. Фея взмахнула волшебной палочкой, и... у танка отвалилась башня.

ло, чтобы обеспечить вполне приемлемую скорость эвакуации. Не, ну как приемлемую? Велосипед куда быстрее едет, ну так то велосипед, а не десятитонный трактор с тридцатью тоннами мертвой брони на прицепе... «Впечатленный» темпом движения, Владимир Петрович прикинул, не снять ли и вторую гусеницу и дальше тащить «сорок четвертый» на опорных катках? Но вовремя понял, что скорость от этого вряд ли возрастет, зато мороки будет куда больше. Пока гусанку расцепишь, пока съедешь с нее да в кузов грузовика загрузишь (еще и хрен пойми, выдержит ли тот суммарный вес двух гусеничных лент), кучу времени зря потеряют. Так и ехали, хоть и медленно, зато верно...

Во время погрузки на платформу дожидавшегося на станции эшелона (заранее его, что ли, подогнали?), намучились еще больше. А как иначе? Попробуйте обычный танк на платформу загнать — даже при наличии нормальной погрузочной ramпы, это тот еще гембель. А когда машина полностью потеряла мобильность и ее можно только или толкать, или тянуть на буксире? «Т-44» — не «бэтэшка», на колесах не поедет, как ни старайся. Короче говоря, протрахались почти два часа, вымотавшись и физически, и морально. Ну, морально — это в основном Бат, у которого к концу погрузки нервы откровенно сдавали и отчаянно хотелось хоть кого-то пристрелить. Желательно фрица. А в идеале — ту суку, что им «звездочку» разбила. Невосуществимо, разумеется: излишне меткий немецкий наводчик свое уже и так получил, сгорев вместе с танком, так что и винить некого...

Но все когда-нибудь кончается — закончилась и погрузка. «Т-44» намертво принайтовали к платформе, проложив между опорными катками бревна, и зачех-

лили, превратив в нечто вовсе уж неузнаваемое не то что с воздуха, но и с земли. Даже Батоныч, прекрасно знающий, что именно там находится, не сразу бы понял, что это именно танк — брезента для маскировки товарищи чекисты определенно не пожалели, полностью скрыв привычные обводы корпуса. Теперь боевая машина больше всего напоминала штабель уложенных на платформе разнокалиберных ящиков, накрытых сверху чехлами. Успевший к самому отправлению Наметов с ходу оценил состояние «товарища полковника» и дальше старался держаться от начальства подальше. Особенно после того, как сообщил, что пропавшего батальонного комиссара ни обнаружить, ни освободить не удалось. Нет, понятно, что подчинение у них разное, не говоря уж о том, что его группа и вовсе выполняет задание самого Берии, но шансы на то, что Бат может его расстрелять под горячую руку из своего чудного автомата-карабина, оставались. Потому Наметов и решил пока соблюдать дистанцию, дожидаясь, пока товарищ полковник остынет...

Одним словом, нечего и удивляться, что, едва эшелон тронулся, плавно набирая скорость, Владимир Петрович испытал острое — острейшее даже — желание напиться вдрызг. Раздобыть бутылку оказалось несложно: принес тот самый лейтенант-спецназовец. Ну, в смысле осназовец. Правда, принять наркомовские сто грамм отказался, сославшись на службу. Да и хрен с ним, у него и Очкарик имеется, этот промила-интеллектуал (без шуток, кстати, все так и есть) тоже насчет выпить не дурак. Вот только подвел его младший товарищ, «выпав в осадок» всего-то с одного стакана...

Грустно поглядев на остаток водки, Батоныч решительно заткнул недопитую бутылку туго свернутой

бумажкой и убрал с глаз подальше. Достаточно, выспаться нужно, завтра денек будет никак не проще. А Виталька? Ну а что Виталька? Выберется, никуда он не денется. Не такой Дубинин человек, чтобы взять и тупо сдохнуть в немецком плену после всего, что он тут наворотил...

С этой мыслью Владимир Петрович Бат и заснул, за неимением подушки подложив под голову планшетку и воняющий соляровкой шлемофон. Заснул практически мгновенно, под успокаивающий, знакомый с детства мерный перестук вагонных колес.

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

ГЛАВА 1

12 июля 1941 года, Цоссен¹

— Анхель! Очень рад тебя видеть! — приветствовал гостя моложавый сорокалетний офицер в идеально сидящем на его худощавом теле мундире с двумя ромбами на витых погонах.

— Здравствуйте, господин полковник! — вытянулся у дверей слегка полноватый, с воспаленными от недосыпания глазами майор, примерно того же возраста, что и хозяин кабинета.

— Давай без формальностей, дружище! — улыбнулся полковник, подходя к майору, чтобы пожать руку. — От твоей строевой стойки так и тянет казарменным духом!

— Как скажешь, Рейнхард! — легко согласился Анхель, сразу как будто обмякнув. — После твоего повышения...

— Ты думал, что я забуду старого друга? — подхватил полковник. — Брось, дружище, как можно было так подумать? Проходи, присаживайся!

Полковник провел гостя в угол кабинета, где стояли два пухлых кожаных кресла и небольшой кофей-

¹ В этом небольшом городке под Берлином располагался Генеральный штаб Третьего рейха (*прим. авторов*).

ный столик красного дерева. Майор буквально упал в мягкие объятия кресла и облегченно вытянул ноги в запыленных сапогах, бросив рядом небольшой бумажный пакет.

— Да я вижу, дружище, что ты сильно устал с дороги! — участливо сказал полковник. — Я велю, чтобы принесли кофе!

— И чего-нибудь пожрать, Рейнхард! — буркнул майор. — Я сутки на ногах, только шнапсом и спасался...

Полковник звонком вызвал адъютанта и отдал необходимые распоряжения.

— Может, накапать тебе успокоительных капель? — усмехнулся полковник, аккуратно умащивая худой зад в соседнее кресло.

— Французских? — оживился майор.

— Не совсем, Анхель, но тебе понравится! — рассмеялся полковник, жестом фокусника извлекая откуда-то из-за столика бутылку темного стекла. Следом за бутылкой появились пузатые бокалы. Щедро, на два пальца, плеснув в бокалы янтарной жидкости, полковник торжественно провозгласил: — Прозит!

— Прозит! — кивнул майор, осторожно приюхиваясь к содержимому бокала. Наконец решившись, он сделал маленький глоток, размазал, как полагалось, напиток языком по небу и на несколько секунд замер, прислушиваясь к ощущениям. — М-м-м... Волшебное! Мягкий... Приятное послевкусие... Так ты говоришь, Рейнхард, что это не французский коньяк?

— Не поверишь, дружище! — улыбнулся полковник. — Армянский! Называется «Двин». Пятьдесят градусов, а как хорошо идет? Говорят, что это любимый бренди Черчилля. Хотя сами русские упорно продолжают называть сей шедевр именно коньяком.

— Трофейный, стало быть? — понятиливо кивнул майор.

— Из довоенных запасов! — отрицательно мотнул головой полковник. — Адмирал как-то угостил, и мне понравилось. Здесь мне пока такой не попадался. Может быть, когда захватим Москву... Еще накапать?

— Давай! — решительно сказал майор, залпом, как деревенский шнапс, вливая в себя чудесный напиток и тут же протягивая полковнику пустой бокал.

Хозяин немедленно набулькал новую порцию и откинулся на спинку кресла, грея в ладонях свой снифтер¹. В дверь коротко постучали и сразу, не дожидаясь ответа, в кабинет бесшумно вошел адъютант. Вытянувшись по стойке «смирно», он придержал створку, пропуская в помещение ефрейтора, катящего сервировочную тележку. Пока денщик расставлял на столике тарелки с закусками, парящий кофейник, тонкие стаканы, бутылки с минеральной водой, чашки и серебряные приборы², раскладывал сверкающие белизной накрахмаленные салфетки, офицеры молча сидели, потихоньку потягивая коньяк. Наконец ефрейтор закончил сервировку, окинул получившийся натюрморт придирчивым взглядом и, видимо, оставшись довольным созданной композицией, щелкнул каблучками и вышел, прихватив тележку. Адъютант, все это время терпеливо торчащий у дверей, выждал ровно тридцать секунд и, не получив новых распоряжений, тоже щелкнул каблучками и покинул кабинет, оставив начальника наедине с гостем.

¹ Снифтер — коньячный бокал.

² Имеются в виду ложки, вилки и ножи, а не электронные устройства.